

Выставка „КОЛЬЦО“.

Въ воскресенье состоялось открытіе (vernissage) второй выставки картинъ группы харьковскихъ художниковъ «Кольцо», о которой въ прошломъ году такъ много писали и говорили.

Въ то время, какъ въ Москвѣ, въ течение одного мѣсяца можно насчитывать до двѣнадцати художественныхъ выставокъ, въ Харьковѣ ихъ за годъ бываетъ не болѣе двухъ, и только вотъ второй годъ — съ возобновленіемъ «Кольца» — трехъ; конечно, такое отсутствіе выставокъ отразилось на томъ, что харьковская публика совершенно не знакома съ современнымъ искусствомъ.

Теперь, насколько можно судить по этикеткѣ двумъ выставкамъ, «Кольцо» хотѣло взять на себя роль отражателя современныхъ теченій въ живописи. Въ прошломъ году оно носило чисто мѣстный характеръ, такъ какъ въ немъ принимали участіе почти только харьковскіе художники, въ этомъ же году группа «Кольцо» расширила свою дѣятельность и пригласила нѣкоторыхъ московскихъ художниковъ «Бубноваго валета», представителей наиболѣе крайняго направленія, и такимъ образомъ хотѣла дать возможность публикѣ плотнѣй подойти и полнѣй ознакомиться съ групповымъ взглядомъ на современное искусство.

Вотъ это-то и не удалось сдѣлать группѣ «Кольцо».

Малые размѣры выставки (всего двѣ комнаты) поражаютъ пестротой направленій и несыгранностью группы «Кольцо»; здѣсь, что называется, впрягли коня и трехплетную лань: наряду съ академизмомъ, Е. Агафонова, А. Савинова и М. Федорова мы видимъ Бурлюка, Машкова и Кончаловскаго, представителей самыхъ лѣвыхъ группъ современной живописи.

Е. Агафоновъ, давно и хорошо извѣстный харьковцамъ, въ этомъ году далъ шестнадцать полотенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, совершенно новыя въ творчествѣ художника, смотрятся съ большимъ интересомъ; изъ его продуманныхъ вещей приходится отмѣтить портретъ г-на Б., въ которомъ ясно чувствуется вліяніе французскаго художника Сезана, хорошо претворенное и глубоко индивидуализированное; на почвѣ послѣднихъ исканій художника, приходится отмѣтить этюды №№ 8 и 10, въ которыхъ при помощи упрощенія формъ и непосредственности въ исполненіи, достигается полнота художественнаго впечатлѣнія, но все это не характерно для Агафонова, его удѣль музыкальныя гаммы красокъ, — дѣйствительность сквозь радужную призму — въ этомъ году такихъ вещей нѣтъ, а портреты № 1 и 2 досадно умаляютъ достоинства этого художника; въ нихъ не чувствуется творчества, здѣсь оны всецѣло находятся въ рамкахъ заказного портрета, не дающихъ свободно работать, вслѣдствіе этого портретъ № 2 особенно неприятно дѣйствуетъ на зрителя.

А. Савиновъ далъ цѣлый рядъ академическихъ упражненій, — конечно, совершенно неинтересныхъ и скучныхъ.

Н. Савинъ, въ прошломъ году интересный и милый, въ этомъ году далъ только одну вещь, достойную вниманія — № 76; остальное все слабое, упорное, но очень мало выразительное, его этюды пастелью несравненно цвѣтнѣй, чѣмъ настойчивая и непродуктивная работа надъ портретомъ.

Совсѣмъ слабъ Бѣлинкинъ, Гротъ, Келлеръ и Климовъ, со своими разъ навсегда заученными формами не возбуждаютъ интереса; Митрохинъ, у которыхъ царить, манерничанье и неискренность и въ этомъ году, Надеждинъ со всѣмъ своимъ надуманнымъ, однообразнымъ, лубочнымъ «экзотизмомъ», его краски и формы тяжелы, неприятно яркие и, во всякомъ случаѣ, не экзотичны.

Приятны и своеобразны вещи Коротова съ его фантастичными полями и деревьями.

Остальные художники — москвичи «Бубноваго валета», отбросившіе въ сторону банальность традицій, но признающіе связь съ древними мастерами, выражающуюся въ наивномъ и непосредственномъ подходѣ къ природѣ и въ монументальности стиля, пришедшіе къ ясному и здоровому реализму» (слова группы «Бубноваго валета»).

Когда смотришь на вещи москвичей, то получаешь совершенно иное впечатлѣніе: надуманность формъ, нарочитая подчеркнутость наивности дѣтскихъ воспріятій и цѣлый рядъ другихъ претенціозностей.

Во всякомъ случаѣ по творчеству этихъ художниковъ невозможно судить о современномъ искусствѣ, такъ какъ наиболѣе сильныя Кончаловскій и Машковъ представлены слабо, а остальные не стоятъ вниманія. Изъ этой серіи все-же отмѣтимъ Портретъ и Nature morte, Машкова, наиболѣе выдержанные въ стилѣ монументальности и эпоса, а у Кончаловскаго «Испанскаго мальчика», какъ глубоко лирическую вещь.

Въ этомъ году выставка «Кольцо» устроена небрежно и мало выразительно, самое главное, не видно снотой организаціи, помогающей публикѣ разбираться въ новыхъ теченіяхъ искусства.

В. М.